Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур

Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур, ночи 170-182
Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур, ночи 183-195
Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур, ночи 196-208
Повесть о царе Шахрамате, сыне его Камар-аз-Замане и царевне Будур, ночи 209-217
Повесть о Камар-аз-Замане и царевне Будур (продолжение)

Ночь, дополняющая до ста семидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста семидесяти, Шахразада сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что был в древние времена и минувшие века и столетия царь, которого звали царь Шахраман. И был он обладателем большого войска и челяди и слуг, но только велики сделались его годы, и кости его размякли, и не было послано ему ребенка.

И он размышлял про себя и печалился и беспокоился и пожаловался на это одному из своих везирей и сказал: "Я боюсь, что, когда умру, царство погибнет, так как я не найду среди моих потомков кого-нибудь, чтобы управлять им после меня". И тот везирь отвечал ему: "Быть может, Аллах совершит впоследствии нечто; положись же на Аллаха, о царь, и взмолись к нему".

И царь поднялся, совершил омовение и молитву в два раката и воззвал к великому Аллаху с правдивым намерением, а потом он призвал свою жену на ложе и познал ее в это же время, и она зачала от него, по могуществу Аллаха великого.

А когда завершились ее месяцы, она родила дитя мужского пола, подобное луне в ночь полнолуния, и царь назвал его Камар-аз-Заманом [209] и обрадовался ему до крайней степени. И он кликнул клич, чтобы город украсили, и город был украшен семь дней, и стучали в барабаны и били в литавры. А младенцу царь назначил кормилиц и нянек, и воспитывался он в величии и неге, пока не прожил пятнадцать лет. И он превосходил всех красотою и прелестью и стройностью стана и соразмерностью, и отец любил его и не мог с ним расстаться ни ночью, ни днем.

И отец мальчика пожаловался одному из своих везирей на великую любовь свою к сыну и сказал: "О везирь, поистине я боюсь, что дитя мое, Камар-аз-Замана, постигнут удары судьбы и случайности, и хочу я женить его в течение моей жизни". - "Знай, о царь, - ответил ему везирь, - что жениться значит проявить благородство нрава, и правильно будет, чтобы ты женил твоего сына, пока ты жив, раньше, чем сделаешь его султаном".

И тогда царь Шахраман воскликнул: "Ко мне моего сына Камар-аз-Замана!" И тот явился, склонив голову к земле от смущения перед своим отцом. И отец сказал ему: "О Камар-аз-Заман, я хочу тебя женить и порадоваться на тебя, пока я жив", - а юноша ответил: "О батюшка, знай, что нет у меня охоты к браку и душа моя не склонна к женщинам, так как я нашел много книг и рассуждений об их коварстве и вероломстве. И поэт сказал:

А коли вы спросите о женах, то истинно
Я в женских делах премудр и опытен буду.

И если седа глава у мужа иль мало средств,

Не будет тогда ему в любви их удела.

А другой сказал:

Не слушайся женщин - вот покорность прекрасная,

Несчастлив тот юноша, что женам узду вручил:

Мешают они ему в достоинствах высшим стать,

Хотя бы стремился он к науке лет тысячу".

А окончив свои стихи, он сказал: "О батюшка, брак - нечто такое, чего я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испить чашу гибели".

И когда султан Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он сильно огорчился..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят первая ночь

Когда же настала сто семьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда царь Шахраман услышал от своего сына такие слова, свет стал мраком перед лицом его, и он огорчился, что его сын Камар-аз-Заман не послушался, когда он посоветовал ему жениться. Но из-за сильной любви к сыну он не пожелал повторить ему эти речи и гневить его, а, напротив, проявил заботливость и оказал ему уважение и всяческую ласку, которой можно привлечь любовь к сердцу. А при всем этом Камар-аз-Заман каждый день становился все более красив, прелестен, изящен и изнежен.

И царь Шахраман прождал целый год и увидел, что тот сделался совершенен по красноречию и прелести, и люди теряли из-за него честь. Все веющие ветры разносили его милости, и стал он в своей красоте искушением для влюбленных и по своему совершенству - цветущим садом для тоскующих. Его речи были нежны, и лицо его смущало полную луну, и был он строен станом, соразмерен, изящен и изнежен, как будто он ветвь ивы или трость бамбука. Его щека заменяла розу и анемон, а стан его - ветку ивы, и черты его были изящны, как сказал о нем говоривший:

Явился он, и сказали: "Хвала творцу!"

Прославлен тот, кем он создан столь стройным был"

Прекрасными всеми всюду владеет он,

И все они покоряться должны ему,

Слюна его жидким медом нам кажется,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Нанизанный ряд жемчужин - в устах его.

Все прелести он присвоил один себе

И всех людей красотою ума лишил.

Начертано красотою вдоль щек его:

"Свидетель я, - нет красавца опричь его".

А когда Камар-аз-Заману исполнился еще один год, его отец призвал его к себе и сказал ему; "О дитя мое, не выслушаешь ли ты меня?" И Камар-аз-Заман пал на Землю перед своим отцом из почтительного страха перед ним, и устыдился и воскликнул: "О батюшка, как мне тебя не выслушать, когда Аллах мне велел тебе повиноваться и не быть ослушником?"

"О дитя мое, - сказал ему тогда царь Шахраман, - Знай, что я хочу тебя женить и порадоваться на тебя при жизни и сделать тебя султаном в моем царстве прежде моей смерти".

И когда Камар-аз-Заман услышал это от своего отца, он ненадолго потупил голову, а потом поднял ее и сказал: "О батюшка, такое я не сделаю никогда, хотя бы пришлось мне испить чашу гибели. Я знаю и уверен, что великий Аллах вменил мне в обязанность повиноваться тебе, но, ради Аллаха, прошу тебя, не принуждай меня к браку и не думай, что я женюсь когда-либо в моей жизни, так как я читал книги древних и недавно живших и осведомлен о том, какие их постигли от женщин искушения, бедствия и беспредельные козни, и о том, что рассказывают про их хитрости. А как прекрасны слова поэта:

Распутницей кто обманут,

Тому не видать свободы,

Хоть тысячу он построит

Покрытых железом замков.

Ведь строить их бесполезно,

И крепости не помогут,

И женщины всех обманут

Далеких так же, как близких,

Они себе красят пальцы

И в косы вплетают ленты

И веки чернят сурьмою,

И пьем из-за них мы горесть,

А как прекрасны слова другого:

Право, женщины, если даже звать к воздержанию их,

Кости мертвые, что растерзаны хищным ястребом.

Ночью речи их и все тайны их тебе отданы,

А наутро ноги и руки их не твои уже.

Точно хан [210] они, где ночуешь ты, а с зарей - в пути,

И не знаешь ты, кто ночует в нем, когда нет тебя".

Услышав от своего сына Камар-аз-Замана эти слова и поняв эти нанизанные стихи, царь Шахраман не дал ему ответа вследствие своей крайней любви к нему и оказал ему еще большую милость и уважение.

И собрание разошлось в тот же час, и, после того как собрание было распущено, царь позвал своего везиря и уединился с ним и сказал ему: "О везирь, поведай мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом, как женить его..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят вторая ночь

Когда же настала сто семьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь потребовал к себе везиря и уединился с ним и сказал ему: "О везирь, скажи мне, как мне поступить с моим сыном Камар-аз-Заманом. Я спросил у тебя совета насчет его брака, и это ты мне посоветовал его женить, прежде чем я сделаю его султаном. Я говорил с сыном о браке много раз, но он не согласился со мною; посоветуй же мне теперь, о везирь, что мне делать?" - "О царь, - ответил везирь, - потерпи еще год, а потом, когда ты захочешь заговорить с твоим сыном об этом деле, не говори тайком, но заведи с ним речь в день суда, когда все везири и эмиры будут присутствовать и все войска будут стоять тут же. И когда эти люди соберутся, пошли в ту минуту за твоим сыном Камар-аз-Заманом и вели ему явиться, а когда он явится, скажи ему о женитьбе в присутствии везирей и вельмож и обладателей власти. Он обязательно устыдится и не сможет тебе противоречить в их присутствии".

Услышав от своего везиря эти слова, царь Шахраман обрадовался великою радостью и счел правильным его мнение и наградил его великолепным платьем. И царь Шахраман не говорил со своим сыном Камар-аз-Заманом год о женитьбе. И с каждым днем из дней, что проходили над ним, юноша становился все более красив, прекрасен, блестящ и совершенен, и достиг он возраста близкого к двадцати годам, и Аллах облачил его в одежду прелести и увенчал его венцом совершенства. И око его околдовывало сильнее, чем Харут [211], а игра его взора больше сбивала с пути, чем Тагут [212]. Его щеки сияли румянцем, и веки издевались над острорежущим, а белизна его лба говорила о блестящей луне, и чернота волос была подобна мрачной ночи. Его стан был тоньше летучей паутинки, а бедра тяжелее песчаного холма; вид его боков возбуждал горесть, и стан его сетовал на тяжесть бедер, и прелести его смущали род людской, как сказал о нем кто-то из поэтов в таких стихах:

Я щекой его и улыбкой уст поклянусь тебе

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И стрелами глаз, оперенными его чарами"

Клянусь мягкостью я боков его, острием очей,

Белизной чела и волос его чернотой клянусь.

И бровями теми, что сон прогнали с очей моих,

Мною властвуя запрещением и велением,

И ланиты розой и миртой нежной пушка его,

И улыбкой уст и жемчужин рядом во рту его,

И изгибом шеи и дивным станом клянусь его,

Что взрастил гранатов плоды своих на груди его,

Клянусь бедрами, что дрожат всегда, коль он движется,

Иль спокоен он, клянусь нежностью я боков его;

Шелковистой кожей и живостью я клянусь его,

И красою всей, что присвоена целиком ему,

И рукой его, вечно щедрою, и правдивостью

Языка его, и хорошим родом, и знатностью.

Я клянусь, что мускус, дознаться коль, – аромат его,

И дыханьем амбры нам веет ветер из уст его.

Точно так же солнце светящее не сравнится с ним,

И сочту я месяц обрезком малым ногтей его".

И затем царь Шахраман слушал речи везиря еще год, пока не случился день праздника..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят третья ночь

Когда же настала сто семьдесят третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман послушался совета везиря и ждал еще год, пока не случился день праздника. И пришел день суда, и зал собраний царя наполнился тогда эмирами, везирями, вельможами царства и воинами и людьми власти, а затем царь послал За своим сыном Камар-аз-Заманом, и тот, явившись, три раза поцеловал землю меж рук своего отца и встал перед ним, заложив руки за спину.

И его отец сказал ему: "Знай, о дитя мое, что я послал за тобой и велел тебе на сей раз явиться в это собрание, где присутствуют перед нами все вельможи царства, только для того, чтобы дать тебе одно приказание, насчет которого ты мне не прекословь. А именно: ты женишься, ибо я желаю женить тебя на дочери какого-нибудь царя и порадоваться на тебя прежде моей смерти".

Услышав это от своего отца, Камар-аз-Заман опустил ненадолго голову к земле, а затем поднял голову к отцу, и его охватили в эту минуту безумие юности и глупость молодости, и он воскликнул: "Что до меня, то я никогда не женюсь, хотя бы мне пришлось испить чаши гибели, а что касается тебя, то ты старец великий по годам, но малый по уму! Разве ты не спрашивал меня о браке раньше сегодняшнего дня уже дважды, кроме этого раза, а я не соглашался на это?"

Потом Камар-аз-Заман разъединил руки, заложенные за спину, и засучил перед своим отцом рукава до локтей, будучи гневен, и сказал своему отцу много слов, и сердце его волновалось, и его отец смутился, и ему стало стыдно, так как это случилось перед вельможами его царства и воинами, присутствовавшими на празднике. А потом царя Шахрамана охватила ярость царей, и он закричал на своего сына, так что устрашил его, и крикнул невольникам, которые были перед ним, и сказал им: "Схватите его!"

И невольники побежали к царевичу, обгоняя друг друга, и схватили его и поставили перед его отцом, и тот приказал скрутить ему руки, и Камар-аз-Замана скрутили и поставили перед царем, и он поник головой от страха и ужаса, и его лоб и лицо покрылись жемчугом испарины, и сильное смущение и стыд охватили его.

И тогда отец стал бранить и ругать его и воскликнул: "Горе тебе, о дитя прелюбодеяния и питомец бесстыдства! Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят четвертая ночь

Когда же настала сто семьдесят четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Шахраман сказал своему сыну Камар-аз-Заману: "Как может быть таким твой ответ мне перед моей стражей и воинами! Но тебя еще до сих пор никто не проучил! Разве ты не знаешь, что если бы поступок, который совершен тобою, исходил от простолюдина из числа простых людей, Это было бы с его стороны очень гадко?"

Потом царь велел своим невольникам развязать скрученного Камар-аз-Замана и заточить его в одной из башен крепости. Тогда его взяли и отвели в древнюю башню, где была разрушенная комната, а посреди комнаты был развалившийся старый колодец. И комнату подмели и вытерли там пол и поставили в ней для Камар-азЗамана ложе, а на ложе ему постлали матрас и коврик и положили подушку и принесли большой фонарь и свечу, так как в этой комнате было темно днем.

А затем невольники ввели Камар-аз-Замана в это помещение и у дверей комнаты поставили евнуха. И Камараз-Заман поднялся на ложе, с разбитым сердцем и печальной душой, и он упрекал себя и раскаивался в том, что произошло у него с отцом, когда раскаяние было ему бесполезно. "Прокляни, Аллах, брак и девушек и обманщиц женщин! – воскликнул он. – О, если бы я послушался моего отца и женился! Поступи я так, мне было бы лучше, чем в этой тюрьме".

Вот что было с Камар-аз-Заманом. Что же касается его отца, то он пребывал на престоле своего царства остаток дня, до времени заката, а

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
затем уединился с везирем и сказал ему: "Знай, о везирь, ты был причиной всего того, что произошло между мной и моим сыном, так как ты посоветовал мне то, что посоветовал. Что же ты посоветуешь мне делать теперь?" - "О царь, - ответил ему везирь, - оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят пятая ночь

Когда же настала сто семьдесят пятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что везирь сказал царю Шахраману: "Оставь твоего сына в тюрьме на пятнадцать дней, а потом призови его к себе и вели ему жениться: он не будет тебе больше противоречить".

И царь последовал совету везиря. Он пролежал эту ночь с сердцем, занятым мыслью о сыне, так как любил его великой любовью, ибо не было у него другого ребенка. А к царю Шахраману всякую ночь приходил сон только тогда, когда он клал руку под голову своему сыну Камар-аз-Заману. И царь провел эту ночь с умом расстроенным из-за сына, и он ворочался с боку на бок, точно лежал на углях дерева - гада [213], и его охватило беспокойство, и сон не брал его всю эту ночь. И глаза его пролили слезы, и он произнес такие стихи:

"Долга надо мною ночь, а сплетники дремлют.

"Довольно тебе души, разлукой смущенной,

Я молвил (а ночь моя еще от забот длинней),

Ужель не вернешься ты, сияние утра?

И слова другого:

Как заметил я, что Плеяд глаза сном смежаются,

И укрылся звезда Севера дремотой,

А Медведица в платье горести обнажила лик,

Тотчас понял я, что свет утренний скончался",

Вот что было с царем Шахраманом. Что же касается Камар-аз-Замана, то когда пришла к нему ночь, евнух подал ему фонарь, зажег для него свечу и вставил ее в подсвечник, а потом он подал ему кое-чего съестного, и Камар-аз-Заман немного поел. И он принялся укорять себя за то, что был невежой по отношению к отцу, и сказал своей душе: "О душа, разве ты не знаешь, что сын Адама - заложник своего языка и что именно язык человека ввергает его в гибель?"

А потом глаза его пролили слезы, и он заплакал о том, что совершил. С болящей душой и расколовшимся сердцем он до крайности раскаивался в том, как он поступил по отношению к отцу, и произнес:

"Знай: смерть несут юноше оплошности уст его,

Хотя не погибнет муж, оплошно ступив ногой,

Оплошность из уст его снесет ему голову,

А если споткнется он, - здрав будет со временем",

А когда Камар-аз-Заман кончил есть, он потребовал, чтобы ему вымыли руки, и невольник вымыл ему руки после еды, и затем Камар-аз-Заман поднялся и совершил предзакатную и ночную молитву [214] и сел..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят шестая ночь

Когда же настала сто семьдесят шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Камар-аз-Заман, сын царя Шахрамана, совершил предзакатную и ночную молитву и сидел на ложе, читая Коран. Он прочел главы "О корове", "Семейство Имрана", "Я-Син", "Ар-Рахман", "Благословенна власть", "Чистосердечие" и "Главы-охранительницы" и закончил молением и возгласом: "У Аллаха ищу защиты!"

А потом он лег на ложе, на матрас из мадинского атласа, одинаковый по обе стороны и набитый иракским шелком, а под головой у него была подушка, набитая перьями страуса. И когда он захотел лечь, он снял верхнюю одежду и, освободившись от платья, лег в рубахе из тонкой вощеной материи, а голова его была покрыта голубой мервской повязкой. И в тот час этой ночи Камараз-Заман стал подобен луне, когда она бывает полной в четырнадцатую ночь месяца. Потом он накрылся шелковым плащом и заснул, и фонарь горел у него в ногах, а свеча горела над его головой, и он спал до первой трети ночи, не зная, что скрыто для него в неведомом и что ему предопределил ведающий сокровенное.

И случилось по предопределенному велению и заранее назначенной судьбе, что эта башня и эта комната были старые, покинутые в течение многих лет. И в комнате был римский колодец, где пребывала джинния, которая жила в нем. А звали ее Маймуна, и была она из потомства Иблиса проклятого и дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей джиннов..."

И Шахразаду застигло утро, в она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят седьмая ночь

Когда же настала сто семьдесят седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что эту джиннию звали Маймуна, и была она дочерью Димирьята, одного из знаменитых царей [215] джиннов.

И когда Камар-аз-Заман проспал до первой трети ночи, эта ифритка поднялась из римского колодца и направилась к небу, чтобы украдкой подслушивать [216], и, оказавшись на верху колодца, она увидела свет, который горел в башне, в противность обычаю. А ифритка эта жила в том месте долгий срок лет, и она сказала про себя: "Я ничего такого здесь раньше не видела", - и, увидев свет, она изумилась до крайности, и ей пришло на ум, что этому обстоятельству непременно должна быть причина.

И она направилась в сторону этого света и, увидев, что он исходит из комнаты, подошла к ней и увидала евнуха, который спал у дверей комнаты. А войдя в комнату, она нашла там поставленное ложе и на нем спящего человека, и свеча горела у него в головах, а фонарь горел у его ног. И ифритка Маймуна подивилась этому Свету и мало-помалу подошла к нему и, опустив крылья, встала у ложа.

Она сняла плащ с лица Камар-аз-Замана и взглянула на него и некоторое время стояла, ошеломленная его красотою и прелестью, и оказалось, что сияние его лица сильнее света свечки, и лицо его мерцало светом, и глаза его, во сне, стали как глаза газели, и зрачки его почернели и щеки зарделись и веки расслабли, а брови изогнулись, как лук, и повеяло от него благовонным мускусом, как сказал о нем

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
поэт:

Я лобзал его, и чернели томно зрачки его,

Искусители, и щека его алела.

О душа, коль скажут хулители, что красе его

Есть подобие, так скажи ты им: "Подайте!"

И когда ифритка Маймуна, дочь Димирьята, увидала его, она прославила Аллаха и воскликнула: "Благословен Аллах, лучший из творцов!" (А эта ифритка была из правоверных джиннов.) Она продолжала некоторое время смотреть в лицо Камар-аз-Замана, восклицая: "Нет бога, кроме Аллаха!" - и завидуя юноше, завидуя его красоте и прелести, и потом сказала про себя: "Клянусь Аллахом, я не буду ему вредить и никому не дам его обидеть и выкуплю его от всякого зла! Поистине, это красивое лицо достойно лишь того, чтобы на него смотрели и прославляли за него Аллаха. Но как могло случиться, что родные положили его в это разрушенное место; если бы к нему сейчас явился кто-нибудь из наших маридов, он наверное погубил бы "его".

Потом ифритка склонилась над Камар-аз-Заманом и поцеловала его между глаз, а после этого она опустила плащ ему на лицо и, накрыв его, распахнула крылья и полетела в сторону неба. Она вылетела из-под сводов той комнаты и продолжала лететь по воздуху, поднимаясь ввысь, пока не приблизилась к нижнему небу [217]. И вдруг она услыхала хлопанье крыльев в воздухе и направилась на этот шум. И когда она приблизилась, то оказалось, что Это ифрит, которого звали Дахнаш, и Маймуна низверглась на него, как низвергается ястреб.

И когда Дахнаш почуял ее и узнал, что это Маймуна, дочь царя джиннов, он испугался, и у него затряслись поджилки. И он попросил у нее защиты и сказал ей: "Заклинаю тебя величайшим, благороднейшим именем, и вышним талисманом, что вырезан на перстне Сулеймана [218], будь со мною мягкой и не вреди мне!"

И Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, и сердце ее сжалилось над ним, и она сказала: "Ты заклинаешь меня, о проклятый, великою клятвой, но я не отпущу тебя, пока ты не расскажешь, откуда ты сейчас прилетел". - "О госпожа, - ответил ифрит, - знай, что прилетел я из крайних городов Китая и с внутренних островов. Я расскажу тебе о диковине, которую я видел в эту ночь, и если ты найдешь, что мои слова - правда, позволь мне лететь своей дорогой и напиши мне твоей рукой свидетельство, что я твой вольноотпущенник, чтобы мне не причинил зла никто из племени джиннов летающих, вышних, нижних или ныряющих".

И Маймуна спросила его: "Что же ты видел этой ночью, о лжец, о проклятый? Рассказывай и не лги мне, желая спастись от меня своей ложью. Клянусь надписью, вырезанной в гнезде перстня Сулеймана ибн Дауда, - мир с ними обоими! - если твои слова не будут правдивы, я вырву тебе перья своей рукой, порву твою кожу и переломаю тебе кости!" И ифрит Дахнаш, сын Шамхураша крылатого, ответил ей; "Я согласен, о госпожа, на это условие..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят восьмая ночь

Когда же настала сто семьдесят восьмая ночь, она сказала: "Дошло меня, о счастливый царь, что Дахнаш ответил Маймуне: "Я согласен, о госпожа, на это условие, - а потом он сказал: - Знай, о госпожа, что этой ночью я улетел с внутренних островов в землях китайских (а это земля царя аль-Гайюра, владыки островов и земель и семи дворцов). И у этого Варя я видел дочку, лучше которой не сотворил Аллах в ее время. Я не могу тебе описать ее, так как мой язык не имеет сил, чтобы ее описать как должно, но я упомяну о некоторых ее качествах приблизительно. Ее волосы как ночь разлуки и расставанья, а лицо ее - точно дни единенья, и отлично описал ее тот, кто сказал:

Распустила три она локона из волос своих

Ночью темною и четыре ночи явила нам,

И к луне на небе лицом она обратилась,

И явила мне две луны она одновременно.

И нос ее - как острие полированного меча, а щеки - точно алое вино. Ее щеки похожи на анемон, и губы ее - точно кораллы или сердолик, ее слюна желаннее вина, и вкус ее погасит мучительный огонь. Ее языком движет великий разум и всегда готовый ответ, и грудь ее - искушение для тех, кто ее видит. Слава же тому, кто ее сотворил и соразмерил!

И две руки ее круглые и гладкие, как сказал о ней поэт, охваченный любовью:

И кисти, которые, браслетов не будь на них,

Текли бы из рукавов, как быстрый ручей течет.

А груди ее точно две шкатулки из слоновой кости, сиянье которых заимствуют луна и солнце. И живот у нее в свернутых складках, как складки египетских материи, расшитых парчой, и складки эти подобны бумажным свиткам. И доходит это все до тонкого стана, подобного призраку воображения, а он покоится на бедрах, похожих на кучи песку, и сажают они ее, когда она хочет встать, я пробуждают ее, когда она хочет спать, как сказал поэт (и хорошо сказал):

И бедра ее ко слабому прикрепились,

А бедра ведь те и к ней и ко мне жестоки.

Как вспомню я их, меня поднимут они тотчас,

Ее же они, коль встанет она, посадят.

И этот таз обременяет две ляжки, округленные и гладкие, а икры ее точно столбы из жемчуга, и все это носят ноги, тонкие и заостренные, как острие копья, - творение заботливого, судящего. И подивился я их малым размерам: как могут они носить то, что над ними? И я был краток в описании и кончаю его, боясь затянуть..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто семьдесят девятая ночь

Когда же настала сто семьдесят девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш ибн Шамхураш говорил ифритке Маймуне: "И я был краток в описании ее, боясь его затянуть".

И, услышав описание этой девушки и ее красоты и прелести, Маймуна изумилась, а Дахнаш сказал ей: "Поистине, отец этой девушки могучий царь, витязь нападающий, погружающийся в шум битв и ночью и днем. И не страшится он смерти и не боится кончины, ибо он

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей
жестокий несправедливец и мрачный видом покровитель.

Он обладает войсками и отрядами, областями, островами, городами и домами, и зовут его царь аль-Гайюр, владыка островов, морей и семи дворцов. И любил он свою дочь, ту девушку, которую я описал тебе, сильной любовью. Из-за своей любви к ней он свез к себе богатства всех царей и построил ей семь дворцов - каждый дворец особого рода: первый дворец из хрусталя, второй - из мрамора, третий - из китайского железа, четвертый дворец - из руд и драгоценных камней, пятый - из глины, разноцветных агатов и алмазов, шестой дворец - из серебра и седьмой - из золота.

И он наполнил эти семь дворцов разнообразными, роскошными коврами из шелка, золотыми и серебряными сосудами и всякой утварью, которая нужна царям. И он приказал своей дочери жить в каждом из этих дворцов часть года, а затем переезжать в другой дворец. А имя ее - царевна Будур [219].

И когда красота царевны сделалась знаменита и молва о ней распространилась по странам, все цари стали посылать к ее отцу, сватая у него девушку. И отец советовался с нею и склонял ее к замужеству, но разговоры о замужестве были ей отвратительны. И она говорила своему отцу: "О батюшка, нет у меня никакой охоты выходить замуж. Я госпожа, правительница и царица, и правлю людьми и не хочу мужчины, который будет править мною".

И всякий раз, как она отказывалась выйти замуж, желание сватавшихся все увеличивалось. И тогда все цари внутренних островов Китая принялись посылать ее отцу подарки и редкости и писать ему относительно брака с нею. И отец много раз советовал ей выйти замуж, по девушка прекословила ему и была с ним дерзка, и разгневалась на него и сказала: "О батюшка, если ты еще раз заговоришь со мной о замужестве, я пойду в комнату, возьму меч и воткну его рукояткой в землю, а острие я приложу к животу и обопрусь на него, так что оно выйдет из моей спины, и убью себя".

И когда отец услышал от дочери эти слова, свет стал мраком пред лицом его, и сердце его загорелось из-за дочери великим огнем. Он испугался, что она убьет себя, и не знал, как быть с нею и с царями, которые к ней посватались.

"Если уж тебе никак не выйти замуж, воздержись от того, чтобы входить и выходить", - сказал он ей, и затем ввел ее в комнату, заточил ее там и приставил, чтобы сторожить ее, десять старух управительниц. Он запретил ей появляться в тех семи дворцах и сделал вид, что гневен на нее, а ко всем царям он отправил письма и известил их, что разум девушки поражен бесноватостью. И сейчас год, как она в заточении".

А потом ифрит Дахнаш сказал ифритке Маймуне: "Я отправляюсь к ней каждую ночь, о госпожа, и смотрю на нее и наслаждаюсь ее лицом, и целую ее, спящую, меж глаз. Из за любви к ней я не причиняю ей вреда или обид и не сажусь на нее, так как ее юность прекрасна и прелесть ее редкостна и каждый, кто увидит ее, приревнует к самому себе. Заклинаю тебя, о госпожа, воротись со мною и посмотри на ее красоту, прелесть и стройность, и соразмерность, а после этого, если захочешь меня наказать и взять в плен, сделай это: ведь и приказ и запрет принадлежит тебе".

И ифрит Дахнаш поник головой и опустил крылья к земле, а ифритка Маймуна, посмеявшись над его словами и плюнув ему в лицо, сказала: "Что такое эта девушка, про которую ты говоришь? Она только черепок, чтобы мочиться! Фу! Фу! Клянусь Аллахом, я думала, что у тебя диковинное дело или удивительная история, о проклятый! А как же было бы, если бы ты увидел моего возлюбленного! Я сегодня ночью видела такого человека, что, если бы ты его увидел хоть во сне, ты бы наверное стал расслабленным и у тебя потекли бы слюни". - "А что за история с этим юношей?" - спросил ее Дахнаш.

И Маймуна сказала: "Знай, о Дахнаш, что с этим юношей случилось то же, что случилось с твоей возлюбленной, о которой ты говорил: его отец много раз приказывал ему жениться, а он отказывался, и когда он не послушался отца, тот рассердился и заточил его в башне, где я живу. И сегодня ночью я поднялась и увидала его". - "О госпожа, - сказал Дахнаш, покажи мне Этого юношу, чтобы я посмотрел, красивей ли он, чем моя возлюбленная, царевна Будур, или нет. Я не думаю, что найдется в теперешнее время подобный моей возлюбленной". - "Ты лжешь, о проклятый, о сквернейший из маридов и презреннейший из чертей! - воскликнула ифритка. - Я уверена, что не найдется подобного моему возлюбленному в этих землях..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до ста восьмидесяти

Когда же настала ночь, дополняющая до ста восьмидесяти, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ифритка Маймуна сказала ифриту Дахнашу: "Я уверена, что не найдется подобного моему возлюбленному в этих землях. Сумасшедший ты, что ли, что сравниваешь свою возлюбленную с моим возлюбленным?" - "Заклинаю тебя Аллахом, госпожа, полети со мной и посмотри на мою возлюбленную, а я вернусь с тобою и посмотрю на твоего возлюбленного", - сказал ей Дахнаш.

И Маймуна воскликнула: "Обязательно, о проклятый, ты ведь коварный черт! Но я полечу с тобой и ты полетишь со мной только с каким-нибудь залогом и с условием, что, если твоя возлюбленная, которую ты любишь и превозносишь сверх меры, окажется лучше моего возлюбленного, о котором я говорила и которого я люблю и превозношу, - этот залог будет тебе против меня. Но если окажется лучше мой возлюбленный, - залог будет мне против тебя".

"О госпожа, - отвечал ей ифрит Дахнаш, - я принимаю от тебя это условие и согласен на него. Отправимся со мною на острова". - "Нет! Место, где мой возлюбленный, ближе, чем место твоей возлюбленной, - сказала Маймуна. - Вот он, под нами. Спустись со мною, чтобы посмотреть на моего возлюбленного, а потом мы отправимся к твоей возлюбленной".

И Дахнаш сказал: "Внимание и повиновение!" - а затем они спустились вниз и сошли в круглое помещение, которое было в башне. И Маймуна остановила Дахнаша возле ложа и, протянув руку, подняла шелковое покрывало с лица Камар-аз-Замана, сына царя Шахрамана, и лицо его заблистало, засверкало, засветилось и засияло. И Маймуна взглянула на него и в тот же час и минуту обернулась к Дахнашу и воскликнула: "Смотри, о проклятый, и не будь безобразнейшим из безумцев! Мы - женщины, и он для нас искушение". [220]

И Дахнаш посмотрел на юношу и некоторое время его разглядывал, а потом он покачал головой и сказал Маймуне: "Клянусь Аллахом, госпожа, тебе простительно, но против тебя остается еще нечто другое: положение женщины не таково, как положение мужчины. Клянусь Аллахом, поистине твой возлюбленный более всех тварей сходен с моей возлюбленной по красоте и прелести, блеску и совершенству, и оба они как будто вместе вылиты в форме красоты".

И когда Маймуна услышала от Дахнаша эти слова, свет стал мраком пред лицом ее, и она ударила его крылом по голове крепким ударом, который едва не порешил его, так он был силен. А затем она воскликнула: "Клянусь светом лика его величия, ты сейчас же отправишься, о проклятый, и возьмешь твою возлюбленную, которую ты любишь, и быстро принесешь ее в это место, чтобы мы свели их обоих и посмотрели бы на них, когда они будут спать вместе, близко друг от друга. И тогда нам станет ясно, который из них красивее и прекраснее другого. А если ты, о проклятый, сейчас же не сделаешь того, что я тебе приказываю, я сожгу тебя моим огнем, и закидаю тебя искрами, и разорву тебя на куски, и разбросаю в пустынях, и сделаю тебя назиданием для оседлого и путешествующего". - "О госпожа, сказал Дахнаш, - я обязан сделать это для тебя, но я знаю, что моя возлюбленная красивее и усладигельнее".

После этого ифрит Дахнаш полетел, в тот же час и минуту, и Маймуна полетела с ним, чтобы стеречь его, и они скрылись на некоторое время, а потом оба прилетели, неся ту девушку.

А на ней была венецианская рубашка, тонкая, с двумя Золотыми каемками, и была она украшена диковинными вышивками, а по краям рукавов были написаны такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Три вещи мешают ей прийти посетить наш дом

(Страшны соглядатаи и злые завистники):

Сиянье чела ее, и звон драгоценностей,

И амбры прекрасный дух, что в складках сокрыт ее.

Пусть скроет чело совсем она рукавом своим

И снимет уборы все, но как же ей с потом быть?

И Дахнаш с Маймуном до тех пор несли эту девушку, пока не опустили ее и не положили рядом с юношей Камар-аз-Заманом..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят первая ночь

Когда же настала сто восемьдесят первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что ифрит Дахнаш и ифритка Маймуна до тех пор несли царевну Будур, пока не опустились и не положили ее рядом с юношей Камар-аз-Заманом на ложе. И они открыли их лица, и оба более всех людей походили друг на друга, и были они словно двойники или несравненные брат и сестра, и служили искушением для богобоязненных, как сказал о них ясно говорящий поэт:

О сердце, одного красавца не любя,

Теряя разум в ласках и мольбах пред ним;

Полюби красавцев ты всех зараз - и увидишь ты:

Коль уйдет один, так другой придет тотчас к тебе,

А другой сказал:

Глаза мои видели, что двое лежат в пыли,

Хотел бы я, чтоб они на веки легли мои.

И Дахнаш с Маймуном стали смотреть на них, и Дахнаш воскликнул: "Клянусь Аллахом, хорошо, о госпожа! Моя любимая красивей!" - "Нет, мой возлюбленный красивей! - сказала Маймуна. - Горе тебе, Дахнаш, ты слеп глазами и сердцем и не отличаешь тощего от жирного. Разве сокроется истина? Не видишь ты, как он красив и прелестен, строен и соразмерен? Горе тебе, послушай, что я скажу о моем возлюбленном, и если ты искренно любишь ту, в кого ты влюблен, скажи про нее то, что я скажу о моем любимом".

И Маймуна поцеловала Камар-аз-Замана меж глаз многими поцелуями и произнесла такую касыду [221].

"Что за дело мне до хулителя, что бранит тебя?

Как утешиться, когда ветка ты, вечно гибкая?

Насурьмлен твой глаз, колдовство свое навевает он,

И любви узритской [222] исхода нет, когда смотрит он.

Как турчанки очи: творят они с сердцем раненым

Даже большее, чем отточенный и блестящий меч.

Бремя тяжкое на меня взвалила любви она,

Но, поистине, чтоб носить рубаху, я слишком слаб.

Моя страсть к тебе, как и знаешь ты, и любовь к тебе

В меня вложена, а любовь к другому - притворство лишь,

Но имей я сердце такое же, как твоя душа,

Я бы не был тонок и худ теперь, как твой гибкий стан,

О луна небес! Всею прелестью и красой ее

В описаниях наградить должно средь других людей.

Все хулители говорили мне: "Кто такая та,

О ком плачешь ты?" - и ответил я: "Опишите!" - им.

О жестокость сердца, ты мягкости от боков ее

Научиться можешь, и, может быть, станешь мягче ты"

О эмир, суров красоты надсмотрщик - глаза твои,

И привратник-бровь справедливости не желает знать.

Лгут сказавшие, что красоты все Юсуф [223] взял себе

Сколько Юсуфов в красоте твоей заключается!

Я для джиннов страшен, коль встречу их, но когда с тобой

Повстречаюсь я, то трепещет сердце и страшно мне"

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И стараюсь я от тебя уйти, опасаясь глаз

Соглядатаев, но доколе мне принуждать себя?

Черны локоны и чело его красотой блестит,

И прекрасны очи, и стан его прям и гибок так".

И, услышав стихи Маймуны о ее возлюбленном, Дахнаш пришел в великий восторг и до крайности удивился..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Сто восемьдесят вторая ночь

Когда же настала сто восемьдесят вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда ифрит Дахнаш услышал стихи Маймуны, он затрясся от великого восторга и воскликнул: "Поистине, ты хорошо сказала о том, кого ты любишь и прекрасно описала его, и я тоже обязательно не пожалею стараний и, как могу, скажу что-нибудь о моей возлюбленной".

Потом Дахнаш подошел к девушке Будур, поцеловал ее меж глаз и, посмотрев на Маймуну и на Будур, свою возлюбленную, произнес такую касыду (а он сам себя не сознавал):

"За любовь к прекрасной хулят меня и бранят они

Ошибаются, по неведенью ошибаются!

Подари сближенье влюбленному! Ведь поистине,

Если вкусит он расставание, так погибнет он.

Поражен слезами, влюбившись, я, и силен их ток,

И как будто кровь из-под век моих изливается.

Не дивись тому, что испытывал я в любви своей,

Но дивись тому, что был узнан я, когда скрылись вы.

Да лишусь любви я, коль скверное я задумаю!

Пусть любовь наскучит, иль будет сердце неискренно!

И еще слова поэта:

Опустел их стан и жилища их в долине,

И повержен я, и элодей мой удалился.

Я пьян вином любви моей, и пляшет

В глазах слеза под песнь вожака верблюдов.

Я стремлюсь к счастью и близости, и уверен я,

Что блаженство я лишь в Будур найду счастливой.

Не знаю я, на что из трех стану сетовать,

Перечислю я, вот послушай, я считаю:

На глаза ее меченосные иль на стаи ее,

Что копье несет, иль кудрей ее кольчугу.

Она молвила (а я спрашивал о ней всякого,

Кого встречу я из кочевых и оседлых):

"Я в душе твоей, так направь же взор в ее сторону

И найдешь меня", - и ответил я: "Где дух мой?"

Услышав от Дахнаша эти стихи, Маймуна сказала: "Отлично, о Дахнаш, но кто из этих двух лучше?" - "Моя возлюбленная Будур лучше, чем твой возлюбленный", - ответил Дахнаш. И Маймуна воскликнула: "Ты лжешь, проклятый! Нет, мой возлюбленный лучше, чем твоя возлюбленная!" - "Моя возлюбленная лучше", - сказал Дахнаш. И они до тех пор возражали друг другу словами, пока Маймуна не закричала на Дахнаша и не захотела броситься на него.

И Дахнаш смирился перед нею и смягчил свои речи и сказал: "Пусть не будет тяжела для тебя истина! Прекратим твои и мои речи: каждый из нас свидетельствует, что его возлюбленный лучше, и оба мы отворачиваемся от слов другого. Нам нужен кто-нибудь, кто установит между нами решение, и мы положимся на то, что он скажет". - "Я согласна на это", - сказала Маймуна.

А затем она ударила рукой об землю, и оттуда появился ифрит - кривой, горбатый и шелудивый, с глазами, прорезанными на лице вдоль, а на голове у него было семь рогов и четыре пряди волос, которые спускались до пяток. Его руки были как вилы, ноги как мачты, и у него были ногти как когти льва и копыта как у дикого осла. И когда этот ифрит появился и увидал Маймуну, он поцеловал перед ней землю, а потом встал, заложив руки за спину, и спросил: "Что тебе нужно, о госпожа, о дочь царя?" - "О Кашкаш, - сказала она, - я хочу, чтобы ты рассудил меня с этим проклятым Дахнашем".

И затем она рассказала ему всю историю, с начала до конца, и тогда ифрит Кашкаш посмотрел на лицо этого юноши и на лицо той девушки и увидел, что они спят обнявшись и каждый из них положил руку под шею другого, и они сходны по красоте и одинаковы в прелести. И марид Кашкаш посмотрел на них и подивился их красоте и прелести, и, продлив свои взгляды на юношу и девушку, обернулся к Маймуне и произнес такие стихи:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Посещай любимых, и пусть бранят завистники

Ведь против страсти помочь не может завистливый,

И Аллах не создал прекраснее в мире зрелища,

Чем влюбленные, что в одной постели лежат вдвоем.

Обнялись они, и покров согласия объемлет их,

А подушку им заменяют плечи и кисти рун"

И когда сердца заключат с любовью союз навек

По холодному люди бьют железу, узнай, тогда,

И когда дружит хоть один с тобой, он прекрасный друг:

Проводи же жизнь ты с подобным другом и счастлив будь.

О хулящие за любовь влюбленных, возможно ли

Исправление тех, у кого душа испорчена?

О владыка мой, милосердый бог, дай нам свидеться

Перед кончиною хоть на день один, на единственный!"

Потом ифрит Кашкаш обратился к Маймуне и Дахнашу и сказал им: "Клянусь Аллахом, если вы хотите истины, то я скажу, что оба они равны по красоте, прелести, блеску и совершенству, и отличить их можно только по полу - мужскому и женскому. Но у меня есть другой способ: разбудим одного из них так, чтобы другой не знал, и тот, кто загорится любовью к своему соседу, будет ниже его по красоте и прелести". - "Это мнение правильное!" - воскликнула Маймуна, а Дахнаш сказал:

"Я согласен на это!"

И тогда Дахнаш принял образ блохи и укусил Камар-аз-Замана, и тот вскочил со сна, испуганный..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.